

“Литература — это товар, но

Александр Гаррос и Алексей Евдокимов — Газете

Новым романом Гарроса — Евдокимова «Серая слизь» издательство «Лимбус Пресс» дразнило читающую публику уже на pop/fiction. В программе ярмарки была заявлена презентация, которая не состоялась. Тем не менее после долгих мытарств книга выходит. О своем новом романе **Александр Гаррос и Алексей Евдокимов** рассказали корреспонденту Газеты Марии Терещенко.

После успеха вашего первого романа «(голов)ломка» не страшно показывать публике второй? Вдруг не понравится?

Александр Гаррос: Не страшно ли? Ну, скажем так, боязно. Мы прекрасно понимаем, что от ее успеха либо неуспеха в нашей дальнейшей беллетристической судьбе многое зависит. Но даже и помимо этих прагматических соображений провал «Серой слизи» был бы для нас чрезвычайно огорчителен. Поскольку это все-таки попытка, в отличие от «(голов)ломки», достаточно серьезного высказывания. Полноценного. «(Голово)ломка» была в большой степени фарсом, вдобавок заведомо и сознательно вторичным по отношению ко многим западным образцам. Здесь же мы пытались говорить всерьез и от себя.

Вы предваряете «Серую слизь» извинениями перед «всеми своими добрыми знакомыми, которые познают себя в персонажах». Это правда, что вы в романе изобразили многих реально существующих людей?

Алексей Евдокимов: Правда, что большинство персонажей имеют реальных прототипов, а многие и вовсе переключались в текст из жизни под своими именами... Но тут причинно-следственная связь скорее обратная: мы не столько вдохновлялись людьми и событиями своей жизни, сколько использовали их в своих целях.

А.Г.: Кстати, это касается не только людей: и городская топография (Риги в нашем случае) вплоть до интерьера пивных, и пейзажные зарисовки — все максимально с натуры. Тут дело, во-первых, в нашей журналистской закваске — зачем выдумывать, если можно описать? А во-вторых и в-главных, в том, что «Серая слизь» не фантастика, это попытка разговора о том, что происходит на самом деле, здесь и сейчас. И если финальные выводы могут представляться достаточно отвлеченными и фантастичными, то нарочитый буквализм по части реальной фактуры — как раз попытка это ощущение отвлеченности нивелировать.

А походы в горы? Они тоже с натуры?

А.Е.: Я действительно увлекался альпинизмом. Не на серьезном профессиональном уровне, конечно. Но на Эльбрус все-таки взобрался. Так что все описанное в «Серой слизи» — реальный личный опыт. Буквально репортаж.

Вам много раз этот вопрос задавали, и все же... Как можно писать книгу вдвоем?

А.Е.: Редактор «(голов)ломки» Сергей Князев предлагал на вопрос, как вы пишете вдвоем, отвечать коротко: «Хорошо». А если серьезно... Мы дружим с 1989 года. Журналистские тексты вместе пишем года с 1995-го,

и написали их несметное количество. Есть привычка к постоянному «интеллектуальному пинг-понгу», обсуждению и проговариванию всего. Соответственно и работа — это серия «мозговых штурмов».

А.Г.: А потом мы не из тех, кто пишет по вдохновению. Все выглядит достаточно технологично: общая концепция — сюжет — подробный сюжет — писание по эпизодам. В общем, в итоге один сидит за клавиатурой, второй — рядом. Тот, что рядом, иногда почти молчит, иногда преимущественно молчит: в зависимости от того, у кого идей больше. А какие-то разногласия приводятся к общему знаменателю еще во время «штурмов»... и не без помощи шотландского виски. Когда деньги есть.

Именно виски, и обязательно шотландского? Это что, любимый напиток?

А.Е.: Ну, как всякие приличные литераторы, по крайней мере русские, мы, естественно, употребляем. Местами даже злоупотребляем.

А.Г.: Почему только русские? Это же англичанин какой-то выдал наше любимое самоопределение: «drinker with writing problems» — «пьяница, страдающий писательством»?..

А.Е.: Ну да, нам, видимо, британский дискурс в отношении алкоголя даже роднее российского. По крайней мере, виски — это любимое. Это даже хобби. Или даже уже не хобби, а немощко манья... В рабочем кабинете у нас целый шкаф до потолка заставлен пустыми емкостями из-под элитного вискаря, люди на экскурсии ходят. И подсчет распробованных сортов прилежно ведется. Причем не продегустированных, а, как правило, прилежно распитых, обычно в объеме не менее 0,7. На данный момент их двести шестьдесят.

А.Г.: Двести шестьдесят семь.

И какое самое яркое впечатление по части виски?

А.Г.: О, была одна забавная история. С сингл-молтом «Боумор».

А.Е.: Это не забавная история, а позорная!

А.Г.: Ну поучительная как минимум. Леха тут лет пять назад мотался

с приятелями по Аландским островам — это Финляндия... Ну и вернулся, естественно, с сувениром — поллитрой элитного вискаря. А мы тогда уже в своем списке сортов перевалили за сотню, считали себя если не знатоками, то ценителями — все-таки непременно. Сингл-молты, односолодовые то бишь, вискарную элиту, уже пробовали... И вот собираемся мы на дегустацию, полюбовавшись на фото с аландскими пейзажами, раскупориваем эту бутылочку «Боумор», категория islay — такой категории еще не пробовали. Что такое?! Воняет женой резиной! Конкретно так, как будто изоляция палат. Нюхаем, переглядываемся и, матеря финнов, постановляем: крутка какая-то, суррогат. На следующий день торжественно выливаем все пол-литра в редакционный даже не унитаз, а в писсуар, мол, туда и дорога, собака — собака смерть. А потом, время спуска...

А.Е.: ...берем продегустировать еще один айлей, «Разерфордс» называется. Приносиваемся... и снова — жеваная резина. Воняет. Мы друг на друга смотрим как два кретина, и все до нас доходит. Оказывается, айлей — самая прямая и интересная разновидность виски, у нее, да, действительно такой специфический запах, от которого поклонники элитного вискаря буквально без ума. А мы его, значит, со всей своей гордостью по поводу сотни распробованных сортов — в писсуар.

А.Г.: Это, знаешь, такой звоночек, вежливое напоминание сверху: не надо зарываться. Хаметь и пальцы распыривать. Скромнее надо быть. Аккуратнее.

Как вы, кстати, разъезжаете по зарубежью, не имея никакого гражданства? У нас даже без прописки человек каким-то полу-человеком становится, а тут и гражданства нет.

А.Г.: С гражданством очень простая история. После 1991-го, с новой латвийской независимостью, гражданами стали только «лица, жившие в Латвии до 1940 года (до вхождения в СССР) и их потомки». Соответственно процентов 40 населения — почти все русские, естественно, включая и тех, кто здесь родился, — оказались негражданами. Ну и мы тоже, даром что всю жизнь прожили в Риге. Отсутствие избирательных прав, ограничение по некоторым «государственным» профессиям, ущемление при приватизации, отсутствие возможности ездить по Европе без виз, а граждане Латвии еще до вступления в ЕС таким правом обладали. А неграждане даже после вступления в ЕС такого права не получили.

А.Е.: У негражданин и паспорт специальный, негражданский, который у пограничников всего мира вызывает минутный ступор, такой фиолетовый, а внутри — надпись как в голливудском ужастике: aliens passport, «паспорт чужого».

А.Г.: Потом, несколько лет назад, гражданство стало проще получить: правила натурализации либерализовали, очень уж европейским чиновникам было непонятно, как это: страна без пяти минут член Евросоюза, а половина населения — негражда-

газета

словавшие голову

Александр Гаррос и Алексей Евдокимов проснулись знаменитыми в мае 2003 года, когда их дебютный роман «(голов)ломка» получил литературную премию «Национальный бестселлер». Живут Гаррос и Евдокимов в Риге, работают в русскоязычной газете «Час» — в отделе культуры, который Александр Гаррос и возглавляет. «Серая слизь» — вторая книга Гарроса — Евдокимова.